

XX $\frac{96}{33}$

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ВОСТОК

ОРГАН

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ АССОЦИАЦИИ
ПО ИЗУЧЕНИЮ НАЦИОНАЛЬНЫХ
И КОЛОНИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

№ 6 (21)

ИЗДАНИЕ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ АССОЦИАЦИИ ПО
ИЗУЧЕНИЮ НАЦИОНАЛЬНЫХ И КОЛОНИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

МОСКВА—1933

О казакском феодализме¹

Ликвидированные зачатки или настоящий феодализм?

Вопрос о казакском феодализме еще не разработан. В казакской исторической литературе по этому вопросу существуют различные точки зрения. Не говоря уже о буржуазных историках и экономистах, в этом вопросе нет еще единого мнения и у марксистов.

Сторонники теории „родового строя в казакском ауле“ отрицают существование феодализма в казакской степи (Байтурсунов, Кушнерер и проч.). (Это вполне понятно). Выдвигая теорию о „господстве патриархально-родовых отношений в ауле“ и отрицая вообще наличие там классовой борьбы, они неизбежно должны были отрицать и существование феодализма у казаков.

Но отрицают существование феодализма у казаков и многие из тех, которые так или иначе признают классовую борьбу в ауле. А некоторые из них признают наличие в ауле только зародышей, зачатков феодализма, потом якобы ликвидированных царской властью. Эта точка зрения наиболее четко выражена в трудах Чулочникова, Румянцева и др. Последние утверждают, что „ханская власть в казакской степи являлась только зачатками феодальных отношений. Ханы никогда не пользовались особым значением. Они в политическом отношении были очень слабы“².

В своей книжке „Казакстан“ т. Рыскулов тоже утверждает, что „казакские ханы были ограничены волей народных собраний, и наметившиеся незначительные зачатки феодализма так и не развивались ввиду кочевых условий жизни казакского народа. В связи с усилением колонизации степи и внедрением торгового капитала не только идет полным ходом разложение родового строя, но окончательно ликвидируются первоначальные зачатки феодальных моментов в казакской жизни“³.

Следует отметить, что эта точка зрения о казакском феодализме в нашей историко-экономической литературе до настоящего времени является наиболее распространенной. Поэтому не случайно, что во всей многочисленной литературе о казаках очень редко встречается хотя бы косвенное утверждение о существовании

¹ Стенограмма доклада в НИАНКП. Дается в сокращенном виде. Идет в порядке обсуждения. *Ред.*

² См. Чулочников, „Очерки по истории киргизского народа“, стр. 203 и 215.

П. Румянцев, „Киргизский народ в прошлом и теперь“, стр. 17—18.

³ См. Т. Рыскулов, „Казакстан“, стр. 25—26 и 28.

среди казаков феодализма как известного этапа в истории казакского народа. Не случайно и то, что многие наиболее крупные буржуазные исследователи, а за ними и многие наши коммунисты безапелляционно твердят о том, что „до русского завоевания среди казаков имело место полное господство патриархально-родового строя“ (Румянцев, Пален, а из коммунистов Рыскулов и др.). Исходя из этого ошибочного положения, некоторые делают и ошибочный вывод о том, что „классовая борьба среди казаков началась только после русского завоевания“, что до русского подданства среди казаков аксакалы являлись общественными избранниками, и что целая серия привилегий этим „избранным“ аксакалам со стороны царского самодержавия превратила этих аксакалов из бывших „честных представителей народа“ в верных „ближайших помощников царя по угнетению казакской нации“ (Алманов и др.)¹.

Такая точка зрения проводится и в статье „Краткий очерк образования и развития казаков“ (справочник „Весь Казакстан“), где тоже утверждается, что „до завоевания система управления среди казаков покоилась на родовых традициях, на основе патриархата (аксакальство) и родовой демократии (бии). Родовая идеология настолько господствовала, что каждая группа людей в представлении масс была каким-то особым родом“.

Все это неверно. Прежде всего, нельзя утверждать „о полном господстве патриархально-родовых отношений среди казаков до русского завоевания“ потому, что еще задолго до царского завоевания среди казаков существовало уже классовое расслоение, казаки делились на „черную“ и „белую кость“, и потому, что внутри каждого рода или подрода господствовавшими отношениями являлись не общинно-родовые, а феодальные. В этот период рода как такового, с его общинно-родовой собственностью, уже не было, стало быть, и не было господствующего родового строя. Казакский султан и родоначальник — бай и аксакал — и тогда являлись типичными представителями господствующего класса феодального общества. И тот факт, что ханская власть еще до русского завоевания успела создать целую систему феодальной иерархии управления и господства над казакским народом, говорит за то, что феодализм имел место среди казаков еще до русского завоевания. Причем следует подчеркнуть, что и тогда казакский феодализм не был только в зачаточном, неразвившемся, состоянии, а обладал типичными чертами сложившейся феодальной системы.

Два типа казакских феодалов

В казакском феодализме ханского периода нужно различать два типа феодалов: феодалы-султаны и феодалы-родоначальники.

Султаны — потомки ханского рода („белая кость“) — в казакской степи — пришлые элементы. Они являются потомками первых завоевателей казакских родовых общин.

¹ См. Алманов, статью „Родовые отношения и классовое расслоение в ауле“, газета „Советская степь“ № 219, 1927 г.

Феодалы-родоначальники вышли непосредственно из казакских родовых общин. Появление их тесно связано с разложением родовой общины, с создавшимся имущественным неравенством среди членов рода. Причем казакские родоначальники всячески прикрывали свою классовую эксплуатацию остатками родовых отношений.

Различия между феодалом-родоначальником и феодалом-султаном состояли в том, что феодал-султан угнетал и эксплуатировал казакские массы на чисто феодальных основах. В этом смысле феодалы — хан и султан — ничем не отличались в своих методах эксплуатации от типичного европейского и восточного феодала.

Другое положение было у феодала-родоначальника, который эксплуатировал казакские массы не только и не столько на чисто феодальных отношениях. Прикрываясь пережитками родовых отношений, феодал-родоначальник использовал свои классовые права внутри рода, и как самый богатый власть имущий, и как руководитель и „защитник“ интересов всего рода. В глазах масс он выдавал себя всегда защитником, хранителем интересов рода. Поэтому не случайно „чужеродная аристократия“ — ханы и султаны — правила и угнетала казакские массы через этих же феодалов-родоначальников — руководителей и защитников казакских родов. Не выдерживает никакой критики утверждение тех, которые стараются представлять ханов какими-то беспомощными и всецело зависящими от родоначальников.

Ханы и султаны в казакской степи составляли высшее привилегированное сословие, особую правящую касту. „Султаны занимали главные места в управлении; они были освобождены от податей, избавлены от телесных наказаний“. „В ханы избирали только султанов“. Султанское звание передавалось только по наследству. Ханы и султаны устанавливали определенные правила взаимоотношений с казакскими массами. Казаки не султанского происхождения не имели права называть султана по имени. Вместо имени они должны были употреблять слово „таксир“ или „алдыяр“. За нарушение этого правила простые казаки подвергались телесному наказанию — от 15 до 30 ударов нагайкой. Султаны с простыми казаками не смешивали кровь — женились только на казачках султанского происхождения и своих дочерей выдавали только за султанов.

По закону знаменитого хана Тауке — за убийство султана платили „кун“, как за семь человек, — за мужчину платили „кун“ 1000 баранов, а за султана 7000 баранов. Обида султана словами также наказывалась взиманием определенного количества скота и телесным наказанием.

Ханы и султаны кроме подвластных им казаков имели при себе огромное количество рабов и тюленгутов. Над ними они имели „неограниченное право жизни и смерти. Жалоба раба на господина никогда не принималась“¹. Казакские поговорки — „кулда кун

¹ См. Левшин, „Описание киргиз-кайсацких орд и степей“, ч. III, стр. 174.

жок“ (раб ничего не стоит), „кул жиймлып бас болмас, кум жиймлып тас болмас“ (песок не будет камнем, раб не будет вождем)—именно относятся к этим временам господства султанов.

По словам Красовского, казакские ханы и султаны „кулов“ и невольников продавали, заставляли исполнять самые тяжелые работы, в случае неповиновения убивали без всякой за то ответственности перед своим судом¹. Известно также, что „в былое время ханы и султаны клеймили своих тюленгутов, выжигая на них кремнем свои тамги“.

В своей статье „Аблай“ Чокан Валиханов пишет, что „Аблай пользовался неограниченной властью, он первый предоставил своему произволу смертную казнь . . . усмирив своеволие сильных султанов и родоначальников“² . . . и подчинил их своей железной воле.

Приблизительно то же самое пишет и Харузин о хане Джангире: „В Букеевской степи судил и рядил только хан, в которой авторитетом и родоправителем был только он, а султаны и бай—все это находилось в зависимости от него. Людям „белой кости“ раздавал он произвольно земли, людям, не имеющим дворянства, жаловал он терханства и также земли,—одним словом, Джангир был бесконтрольным хозяином в своей степи“.

Приведенные нами факты неоспоримо доказывают, что казакские ханы и султаны в своем классовом господстве, в феодальных привилегиях ничем не уступали типичным европейским и восточным феодалам.

Ханам подвластные им казаки ежегодно платили определенные подати „ханлык“. Размер этого „ханлыка“ определяется произвольно самим ханом. Харузин устанавливает, что „кроме податей, хану лично платили киргизы сугум. Сугум состоял из приношения киргизами хану с 5 кибиток по одной рогатой скотине или по 6 баранов.

При хане Тауке „всякий могущий носить оружие (кроме султана) платил хану и правителям народным в подать 20-ю часть своего имущества ежегодно“³.

Казакские ханы и султаны одновременно являлись и наиболее крупными скотоводами в степи. Каждый султан представлял своего рода „русского вотчинника“. В „вотчине“ султана, подчиненного хану, кроме рабов и тюленгутов их находились целые казакские роды или подроды во главе с теми или иными феодалами-родоначальниками. Хан управлял казакской степью на правах русского государя или европейского короля через этих удельных султанов и феодалов-родоначальников.

В период казакского ханства султаны и феодалы-родоначальники находились в вассальной зависимости от своего хана. Таким образом в казакской степи в период господства ханов и султанов—

¹ См. Красовский, „Область сибирских киргизов“, ч. I, стр. 405.

² См. Ч. Валиханов, Собр. сочин., стр. 6—7.

³ См. Харузин, „Киргизы Букеевской орды“, стр. 30 и 149.

этих казакских феодалов — иерархия скотоводов-феодалов, характерная для феодализма, была налицо.

„Если во главе любого феодального государства Западной Европы стояла группа лиц — государь, король или герцог, „сюзерен“ с „курией“ своих вассалов, так и во главе русского удельного княжества, а позднее и государства московского, стояла тоже группа лиц, князь, позднее великий князь, и царь со своей боярской думой“¹. „То же самое и во главе казакского ханства стояла такая же группа лиц — хан со своими султанами и родоначальниками, старейшинами, биями. Несмотря на различные формы управления и звания этих феодалов, классовое содержание их господства было одно и то же.

Особенности казакского феодализма

Выше мы отметили, что казакский феодализм имеет свои особенности. Наличие особенностей характерно не только для казакского феодализма. В каждой стране феодализм имел свои отличительные особенности. Скажем, русский феодализм отличался от западноевропейского феодализма. А западноевропейский феодализм имеет ряд отличительных черт по сравнению с азиатским феодализмом. И казакский феодализм имеет свои особенности, отличающие его от феодализма других стран. У казакского феодализма имеется одна особенность, связанная с кочевым бытом казакского населения. Как известно, до сего времени почти все историки и экономисты при определении основных черт феодального строя обычно исходят только из условий оседлых народов, и феодализм непосредственно связывается с крупным землевладением. Тов. Покровский в своей книжке „Русская история“ пишет, что „современная наука усваивает феодализм, главным образом, три основных признака. Это, во-первых, господство крупного землевладения, во-вторых, связь с землевладением политической власти, связь, настолько прочная, что в феодальном обществе нельзя себе представить землевладельца, который не был бы в той или иной степени государем, и государя, который не был бы крупным землевладельцем, и, наконец, в-третьих, те своеобразные отношения, которые существовали между этими землевладельцами-государями: наличность известной иерархии землевладельцев, так что от самых крупных зависели более мелкие, от тех еще более мелкие и т. д.

Если подходить к казакскому феодализму с этой точки зрения, т. е. связать установление казакского феодализма только с крупным землевладением, то вопрос о феодализме в казакской степи безусловно ставится под сомнение. Но особенность казакского феодализма в том и заключается, что при определении основных черт последнего нельзя исходить только из общеизвестных определений, приемлемых для определенных условий европейских и восточных оседлых народов.

¹ См. Покровский, „Русская история“, т. I, стр. 91—92.

У казакских феодалов не было крупного землевладения и прикрепления мелкого производителя к земле. Они занимались скотоводством, вели кочевой образ жизни, вследствие чего и не было казакских городов, свойственных вообще европейскому феодализму.

Но эти особенности ни в какой степени не опровергают самого существования казакского феодализма. Надо учесть, что в казакской степи в прошлом, при наличии большого пространства необжитых свободных земель, при кочевом скотоводстве, земля без скота не представляла большой ценности. В условиях кочевого скотоводства немыслимо крупное скотовладение без земли, точно так же и крупное землевладение, вернее землепользование, немыслимо без крупного скотовладения. Если в европейских странах феодал немыслим без крупного землевладения, то в казакских кочевых условиях феодал немыслим без крупного скотовладения. На основе крупного скотовладения казакские феодалы—ханы, султаны и родоначальники—создали свое экономическое и политическое господство, устанавливали свою власть над казакскими массами.

Феодальный способ производства предполагает наличие натурального хозяйства, непосредственного производителя земледельца или скотовода, соединенного с домашней промышленностью. В хозяйстве этого мелкого производителя—земледельца или скотовода—производится прибавочный продукт, который в форме „отрабочной“ ренты или ренты „продуктами“ изымается феодалами-землевладельцами или скотовладельцами. В данном конкретном случае, в хозяйстве ханов и султанов, изымание прибавочного продукта и части необходимого в формах „отрабочной ренты и ренты „продуктами“ производилось одновременно. С одной стороны, ханы и султаны из самостоятельного мелкого производителя-скотовода выкачивали прибавочный продукт в форме ренты „продуктами“, с другой стороны, эти же ханы и султаны от своих же тюленгутов, т. е. крепостных крестьян,—выкачивали прибавочный продукт в форме „отрабочной“ ренты. И здесь мы видим то, что говорил Маркс в отношении ренты в своем „Капитале“, что „бесконечно различны комбинации, в которых различные формы ренты могут сочетаться, затушевываться и сливаться“. Уплата казакскими мелкими скотовладельцами „ханлыка“, различных податей, регулярный сбор „подарков“, „сугума“ и т. д.—все это есть ничто иное, как обычное присвоение прибавочного продукта мелкого производителя ханами и султанами в форме „ренты продуктами“.

Тюленгуты—крепостные казакских султанов

В период казакского ханства ханы и султаны, кроме им подвластных казаков, платящих „ренту продуктами“, имели еще у себя огромное количество рабов и тюленгутов. Рабами султанов являлись, главным образом, те пленники, которые забирались последними у соседних народов во время войны. И, повидимому, эти же рабы впоследствии превратились в тюленгутов.

О казакских тюленгутах нет исчерпывающих данных, характеризующих их историю возникновения и дальнейшего развития, их отношения к ханской власти и т. д. Историки дают о них самые разнообразные, друг другу противоречивые сведения. Одни (Харузин, Мейер, Красовский и др.) утверждают, что „тюленгуты—султанские крепостные—не отличаются от рабов“; другие (Чулочников, Федоров и др.) утверждают, что „тюленгуты—военная почетная дружина при султанах“; третьи (Валиханов и др.) утверждают, что „тюленгуты—султанские рабы“. По сохранившимся народным преданиям самих казаков, султанские тюленгуты—бывшие рабы султанов. И по нашему мнению последнее более вероятно, ибо, по данным историков и по преданию самих казаков, институт рабства предшествовал институту тюленгутства. Тюленгут по своему общественному положению не прежний раб, а „освобожденный“ раб. Тюленгуты пользовались султанской тамгой. Об этом говорят почти все историки. Но никто не говорит о том, что и рабы пользовались султанской тамгой. Очевидно, это не случайно. Повидимому, султанский раб начал пользоваться султанской тамгой лишь тогда, когда он уже превратился в тюленгута. А*какая разница между тюленгутом и рабом? Султанский тюленгут—тоже раб, но раб с небольшим „наделом“ скота—раб позднего периода. Султанский тюленгут—своего рода крепостной крестьянин. Тюленгуты по отношению к султанам находились на правах крепостных крестьян. Русский помещик своего крепостного крестьянина наделял землей, а казакский султан своего тюленгута „наделял“ скотом. Крепостной и политически, и экономически был зависим от помещика. Помещик имел право своего крепостного продавать и передавать по наследству. То же самое и султан имел право своего тюленгута продавать и передавать по наследству. Тюленгут и политически, и экономически всецело зависел от султана. Тюленгуты всегда находились при султанах, с ними кочевали, обслуживали их, пасли их скот, охраняли от врагов и т. д.

Русский „крепостной крестьянин на барина работает на помещичьей земле, на себя работает на наделной земле, добывая сам для себя и для своей семьи тот хлеб, который необходим на содержание рабочей силы для помещика“ (Ленин). Султанский тюленгут от „надельного“ скота получал себе и своей семье продукты, необходимые для существования, и на это уходила у него известная часть рабочего времени. Остальную часть своего времени он обязан был работать у султана. Стало быть, между помещичьим крепостным крестьянином и султанским „тюленгутом“ нет почти никакой разницы.

„В феодальном обществе еще гораздо больше, чем в современном нам, сила шла всегда впереди права“ (Покровский), и при казакском феодализме большим правом пользовался тот, кто имел большую силу. А сильным был тот, кто владел большим стадом

скота и кто имел много потомков ¹ (сыновей и ближайших родственников), тюленгутов и подвластных скотоводов.

Очень часто сила того или иного султана, хана определялась количеством его тюленгутов и сыновей. Из истории казакских ханов нам известно, что последние в междоусобной борьбе своих врагов побеждали силой тюленгутов. Знаменитый хан Аблай своих врагов, непослушных султанов и родоначальников умирал силой тюленгутов. Таким образом султанские тюленгуты в нужное время превращались в армию султанов и ханов. Но ошибаются те, кто из этого делает вывод, что, якобы, „тюленгуты являлись почетной военной дружиной“ и чуть ли не были привилегированным сословием в казакской степи. Тюленгуты никогда не пользовались никакими привилегиями и никогда не являлись почетными дружинниками. Правда, тюленгуты освобождались от всяких ясаков, податей, но это лишь потому, что они сами вечно работали в султанском хозяйстве.

Тюленгуты в основном бывшие рабы-пленники. Но это не значит, что тюленгутами являлись только бывшие пленники. Некоторые так и утверждают, что тюленгуты — не казакского происхождения, что они — в казакской степи „привозные элементы“ и т. д. На самом деле наряду с бывшими рабами-пленниками в тюленгуты превращались коренные казаки, главным образом те, которые, обеднев и разорившись, попадали в крепостное положение к власти имущему богатому султану. Повидимому, такое превращение коренных казаков в крепостное положение до 1822 г. юридически закреплялось, признавалось ханским законом. Царское правительство в своем „уставе о сибирских киргизах“ специально указывает на то, что в дальнейшем „строго запрещается вновь приобретение в неволю природных киргизов“. Значит, до этого „приобретение в неволю“ природных казаков признавалось и практиковалось в казакской степи.

В этом же „Уставе о сибирских киргизах“ крепостное положение старых тюленгутов оставляется без всякого изменения. В параграфе 277 этого „Устава“ пишется, что „невольники, ныне находящиеся у киргизов, остаются при их владельцах с правом продажи, передачи и наследственного владения“.

В таком положении тюленгуты находились до 1859 г. Только в 1859 г. султаны торжественно „отказываются“ от права владения невольниками, и с этого времени тюленгуты поступают на

¹ С этим связано в значительной степени многоженство казакских феодалов. Последние имели по несколько жен и от них много детей.

Хан Аблай имел 70 сыновей, между ними он разделил на уделы казаков средней и большой орды. Нуралы-хан имел 16 законных жен и 15 наложниц, и он был отцом 32 сыновей и 34 дочерей. Он также свое ханство разделил между сыновьями на уделы.

Нам известно многоженство и среди казакских баев дореволюционного периода — характерный пережиток казакского феодального строя. И многоженство последнего периода тоже связано с наличием феодальной системы эксплуатации в байском ханстве.

общее положение податных (ясачных) казаков, и с этого же времени на общем основании вместе со всеми казаками они начинают платить подати русскому правительству и кара ишгин — местные налоги — должностным султанам, родоначальникам, биям и т. п.

Консы, кирме — полукрепостные баев-родоначальников.

Говоря о тюленгутах, мы все время имели в виду султанских тюленгутов.

Правом владения невольниками или тюленгутами пользовалось только „почетнейшее и высшее сословие — султаны“ или, что то же, „потомки белой кости“. Феодалы не султанского происхождения, в частности бай-родоначальники, бии и т. п., не пользовались такими правами, и при них не было законом признанных тюленгутов — „крепостных-скотоводов“. В этом отношении права феодалов-родоначальников ханской властью ограничивались. Но следует ли из этого делать такой вывод, как это делают сторонники „родового строя в ауле“, что родоначальники, бии, аксакалы и т. п. не были феодалами и не эксплуатировали окружающие их казакские массы. По мнению тов. Алманова эти родоначальники, аксакалы и бии до русского подданства казакской массы не эксплуатировали, они становятся эксплуататорами лишь только после русского завоевания. Это, конечно, неверно. Родоначальники-бай, аксакалы и другие, все они тоже с момента разложения родового строя, со дня организации казакской власти в степи — являлись феодалами, зависимыми от более крупных феодалов — султанов и ханов. И хотя родоначальникам по закону не разрешалось иметь тюленгутов, но фактически и они тоже имели если не настоящих тюленгутов, то во всяком случае близких к ним тоже зависимых бедняков, консы, сородичей, кирме и т. п. Эти вечные „консы“ при родоначальниках-баях, аксакалах владели свое жалкое существование, работая даром в их хозяйстве, питаясь всякими об'едками и остатками со стола этих же баев-родоначальников.

Юридически байские консы и бедняки кирме, приютившиеся бедняки в ауле бая, отличались от тюленгутов, но фактически и их положение мало отличалось от положения тюленгутов. Если тюленгуты ханским законом официально признавались крепостными, то бедняки, консы и кирме, являлись фактически полукрепостными баев-родоначальников.

Борьба между родоначальниками и султанами

Казакские ханы и султаны, будучи сами господствующим сословием — представителями „белой кости“, привлекали в свою среду представителей из среды „черной кости“ в лице родоначальников, биев и аксакалов и из них создавали мелких феодалов — „родовых аристократов“, награждая последних различными титулами и чинами, вроде „старейшин“, „ханских биев“ и в последующем — „датхи“ и „дарханов“. Хань и султаны не только на-

граждали их „чинами“ и „званиями“, но и делились с ними своими доходами, ежегодно получаемыми или путем непосредственного насильственного грабежа соседей, или путем сбора различных даней, ханлык и т. д. Ни для кого не секрет, что в особенности до русского завоевания самой надежной опорой ханской власти среди казакского населения именно и являлись эти родоначальники.

Но были ли какие-либо противоречия между феодалами-султанами и феодалами-родоначальниками? Да, в известной мере были. Но эти противоречия между ними не были противоречиями двух противоположных классов, ибо по своему классовому положению в обществе между султаном и родоначальником не было существенной разницы. И тот, и другой были феодалами, эксплуатировали трудящиеся казакские массы на феодальных началах. Поэтому и борьба между ними являлась борьбой за большую долю в грабеже казакских масс. Сословная аристократия — ханы и султаны всячески старались держать феодалов-родоначальников на правах мелких, подчиненных феодалов, а феодалы-родоначальники, вышедшие из среды „черной кости“, всячески добивались права больших феодалов. В этом отношении очень характерно завешание знаменитого хана Аблая своим сыновьям. Умирая, этот хан советовал своим сыновьям — будущим ханам — никогда не решать вполне междуродовых дел киргизских племен, ибо только несогласие и раздоры могут быть незыблемой опорой ханской власти.

В данном случае эти „междуродовые дела“ нужно понимать, как борьбу между султанами и родоначальниками одного рода с султанами и родоначальниками другого рода. И феодалы-родоначальники в свою очередь тоже не раз пытались воспользоваться междоусобной борьбой за власть, часто происходившей между различными ханами и султанами.

Разделение казакской степи на несколько ханств, наличие в каждом ханстве „султанских уделов“, частая борьба между этими „удельными султанами“ и ханами — это характерные черты казакского феодализма. Но и из этого вовсе не вытекает „беспомощность и бессилие ханской власти“.

Ханы управляли через „удельных султанов“, распределив свои владения между своими сыновьями „на уделы“, оставляя за собою только общее руководство над всеми „удельными султанами“. Такая форма являлась самой распространенной формой управления во всех ордах и ханствах, в особенности в период русского завоевания, примерно с начала XVIII и до середины XIX века.

Ликвидация казакского ханства или ликвидация казакского феодализма

Некоторые историки и экономисты с вопросом о ликвидации ханской власти связывают и ликвидацию вообще феодализма в казакском ауле. Тов. Рыкулов так и пишет, что после русского завоевания „феодальные моменты в казакской жизни окончательно

ликвидируются"¹. Приблизительно то же самое утверждают и Чулочников, и Румянцев, и другие. Верно ли такое утверждение?

Конечно, неверно. Нельзя путать русское завоевание казакской степи с ликвидацией феодализма в ней. Завоевывая казакские степи, царское правительство, подчинив себе казакских феодалов, ограничив их прежние права в области управления казакской степью, одновременно закрепляло за ними некоторые их сословные, феодальные права, сохраняя даже их прежние титулы и феодальную иерархию. Казакские феодалы — ханы и султаны — до 1859 г. и по закону царской власти имели официальное право держать при себе крепостных казаков-тюленгутов „с правом продажи, передачи и наследственного владения". Это — спустя более ста лет после русского завоевания!

Правда, царская власть, принимая в свое подданство казакских ханов с их владениями (подвластными казаками) всячески старалась ослабить их влияние на казакские степи, и хотя очень осторожно, но постепенно ограничивала их прежние сословные права. Но в то же время она же всячески закрепляла старые феодальные методы эксплуатации в степи, и сама же производила вместе с этими же казакскими феодалами — ханами, султанами и родоначальниками — военно-феодальные грабежи над казакскими массами. А что касается окончательной „ликвидации феодальных моментов в казакской жизни", то интересы русского самодержавия требовали сохранения и закрепления феодальной эксплуатации в казакской степи. Такую политику царское правительство вполне последовательно и приводило.

О „родовой" борьбе и „родовой" идеологии

Оседание казакских родов на территории теперешнего Казакстана в истории казаков является переломным моментом.

С этим оседанием связывается окончательное сложение казакского народа из различных кочевых тюркских и монгольских родов. Правда, об этом периоде имеются только отрывочные, иногда весьма противоречивые сведения, но тем не менее ясно одно положение, что образование казакского народа происходит в период распада и разложения крупных родовых общин.

В мелких родовых общинах в этот период имущественные отношения уже индивидуализируются, родовая собственность заменяется частной собственностью. В народной литературе, дошедшей до нас, только упоминается о крупных семьях (12 сыновей, 6 дочерей и т. д.), а о роде („ата", „ру") говорится только как о союзе, составлявшемся из нескольких семей, связанных между собой общим происхождением из одного поколения, и возглавлявшемся теми или иными баями и „родовыми" аксакалами.

„Род" — как единое целое, с родовой общинной собственностью на скот, на имущество, и в преданиях, и в народной литературе

¹ Смотри Т. Рыскулов, „Казакстан", стр. 26.

казаков почти не встречается, если не считать отдельных поговорок, ставших духовным оружием баев-феодалов в деле эксплуатации и угнетения ими казакских масс. У казаков имеется такая поговорка: „у жесен рууын мен“ (во имя интересов рода прими яд). Казакские националисты, вроде Кеменгерова и др., на основании таких отдельных поговорок стараются доказать, что у казаков сохранилась общность родовых интересов, и что родовые интересы у казаков выше классовых, личных и т. п. Это, конечно, неверно. Такие поговорки, внешне как-будто ратующие за родовые интересы, по существу проникнуты классовым феодальным содержанием.

Эти поговорки на деле означают — „будь предан казакскому аксакалу — родовому феодалу“. „Родовую“ борьбу организуют и возглавляют эти „родовые“ феодалы исключительно в своих классовых интересах. Так называемая „родовая“ борьба среди казаков это есть борьба между казакскими баями-феодалами за сферу влияния и за большую эксплуатацию казакских масс. И эта борьба, имевшая особенно большое место среди казаков в период ханского господства и русского завоевания, получила соответствующее отражение и в казакской народной литературе. В ряде песен воспеваются победа одного рода над другим, воспеваются отдельные герои в этой борьбе, причем характерно, что героями, воспеваемыми в „родовой“ литературе, обязательно являются экономически мощные бая, знаменитые родовые аксакалы и т. п.

Внешне и эта литература ратует за родовые интересы, как-будто интересы одного рода противопоставляются интересам другого, и поэтому-то и она называется „родовой литературой“, но по существу, по своему содержанию — она классовая, феодальная литература, сочиненная и созданная исключительно в интересах казакских „родовых“ феодалов.

Но как объяснить, что „сородичи“ — бедняки втягиваются в такую борьбу, и почему эта байская борьба сохраняет „родовую оболочку“? Главным образом потому, что они и политически, и экономически закабалены и забыты этой родовой верхушкой. Феодал-родоначальник внутри рода — мелкой родовой общины (характерной для ханского периода), будучи владельцем самого большого стада скота, закабаляет своих „сородичей“ и в качестве полукрепостных, и в качестве консы — „наемных работников“, фактически являющихся настоящими крепостными. А такие зависимые от феодала-родоначальника полукрепостные крестьяне-скотоводы подчиняются последнему и под его влиянием втягиваются в так называемую „родовую“ борьбу.

Почему сохраняется „родовая“ оболочка? На это можно ответить словами Фридриха Энгельса: „Моральное влияние, унаследованное мировоззрение и мышление старой родовой эпохи еще долго передавались последующим поколениям, вымирая лишь мало-помалу“¹. Так было и у казаков.

¹ Фридрих Энгельс, „Происхождение семьи, частной собственности и государства“, стр. 119.

Победа „родовых“ феодалов над феодалами „белой кости“

Борьба между феодалами, султанами и родоначальниками особенно усиливается в период русского завоевания.

Сначала при ослаблении, а потом — при окончательной ликвидации ханской системы управления, русский царизм в значительной степени опирался на феодалов-родоначальников. К этому времени феодал-родоначальник настолько окреп, что он, чувствуя за собой поддержку самого сильного — русского царя, — уже не хотел оставаться в прежнем положении, в положении феодала второго разряда, и более решительно добивался при помощи царя полного равенства в правах с султанами.

Во второй половине XIX века в казакскую степь усиленно проникает капитал метрополии. Усиливается торговая связь метрополии со всеми основными районами казакских степей.

Старое замкнутое натуральное казакское хозяйство постепенно разрушается. Казакские феодалы тоже перестраивают свое хозяйство, приспосабливаются к потребностям рынка.

Появляются феодалы-купцы. Развивается ростовщичество. Значительная часть султанов и родоначальников превращается в феодалов-купцов и ростовщиков. Если раньше, в первый период русского завоевания, султаны и родоначальники являлись, главным образом, „политическими посредниками“ между царской властью и казакским народом, то теперь они становятся и торговыми посредниками. Вместе с тем вырастает и роль феодала-купца, связанного с рынком, с русским городом. Феодал — султан и родоначальник, превращаясь в феодала-купца, ростовщика, тоже становится не просто владельцем большого стада скота, таким был он и раньше, но и купцом, ростовщиком, торгующим скотом, мануфактурой и т. д.

Известная часть феодалов-султанов, не сумевшая приспособиться к новой обстановке, новым хозяйственным условиям, попадает в экономическую кабалу к феодалу-ростовщику, постепенно теряет экономическую силу и влияние на окружающее население, постепенно вытесняется феодалом-купцом и в результате — разоряется, беднеет. К концу второй половины XIX века во всех ордах казакской степи мы уже наблюдаем экономическое разорение многих потомственных султанов, которые вместе с экономическим разорением теряют и прежнюю политическую власть над казакскими массами.

В 1859 г. султаны официально лишаются невольников. Их тюленгуты переходят на общее положение ясачных казаков, а в 1868 г. султаны лишаются всех прежних сословных прав. Таким образом шаг за шагом у султанов, потомков ханов, отнимаются прежние сословные, наследственные права.

При активном содействии царской власти господство немногочисленных наследственных султанов — потомков ханов — окончательно заменяется господством более многочисленных, более влия-

тельных и более связанных с казакскими массами феодалов-ростовщиков — „родовых“ феодалов, но уже с чинами и званиями, предоставленными российским царизмом.

Но здесь возникает другой вопрос. Почему царизм решился на ликвидацию института тюленгута и превращение казакских потомственных феодалов-аристократов в рядовых казаков, отнимая у них все прежние привилегии и наследственные права? На этот вопрос тов. Асфендиаров в своей интересной статье дает такой ответ: „Султаны и ханы были сметены в процессе классовой борьбы внутри казакского общества, в борьбе казакских трудящихся масс с феодальной аристократией. Царизм понял необходимость уступки, понял, что необходимо заменить свою социальную опору более широкой и крепкой, сделал ставку на байство, чем расколол движение масс, а массы, освободившись от гнета аристократии, попали в руки других укреплявшихся классов-эксплоататоров (баев)“.

В данном случае тов. Асфендиаровым выдвигается два положения. Первое — султаны и ханы были сметены в процессе борьбы казакских трудящихся масс с феодальной аристократией. Царизм сделал уступку борющимся казакским массам.

Второе положение — казакские трудящиеся, освободившись от гнета аристократии, попали в руки других эксплуататоров — баев. Правильны ли эти положения тов. Асфендиарова? Мне думается, они неправильны. Во-первых, они неверны исторически. Борьба казакских масс против феодальной аристократии одновременно являлась и борьбой против русского империализма. Поэтому не случайно, что политическим лозунгом всех восставших казаков было освобождение казаков „от гнета русских и продавшихся казакских ханов“. Возьмите наиболее крупные исторические восстания Исатая, Макамбата, Кене Сары и т. д.

Все эти восстания были организованы под лозунгом борьбы „против угнетателей русских и своего предавшего хана или султана“. Именно поэтому-то и борьбой казакских масс „против русских и продавшихся султанов или ханов“ руководили или недовольные царской властью обиженные ханы-султаны (вроде Кене Сары), или родовые феодалы (вроде Исатая, Макамбата и др.).

В этой борьбе казакских масс (с русским империализмом и ханами) царское правительство ни на какие уступки не могло идти. Наоборот, оно всеми мерами и средствами подавляло это движение казакских трудящихся, всячески поддерживало тех султанов и ханов, которые признавали русское подданство, собирали дань и служили русскому царю, одновременно преследуя тех, которые проявляли тенденцию к большей самостоятельности, к восстановлению казакского ханства, независимого от русской монархии. Царизм на ликвидацию сословных привилегий и наследственных прав султанов решается лишь тогда, когда он уже окончательно овладевает казакской степью, когда уже соответствующая база под ликвидацию была подготовлена всем ходом развития казакского

общества, в частности усилением торговой связи колонии с метрополией, появлением нового типа феодалов, более многочисленных, более преданных русскому царю и приспособленных к новой обстановке феодалов-ростовщиков и купцов, главным образом, из бывших феодалов-родоначальников. Царизм в лице последних находит наиболее многочисленную и крепкую экономическую опору, которая в борьбе с бывшими феодалами-аристократами получает всемерную поддержку со стороны русского правительства.

Таким образом причину ликвидации господства потомственных феодалов нельзя свести только к борьбе казакских масс с феодальной аристократией вообще. Нельзя упускать активную роль русского самодержавия и тот факт, что сама ликвидация эта была обусловлена и определена интересами царизма.

Не совсем верно и второе положение тов. Асфендиарова, что казакские трудящиеся, освободившись от гнета аристократии, попали в руки других эксплуататоров — баев.

Как это понять? Разве казакские массы до освобождения от аристократии не были эксплуатируемы баями? Если тов. Асфендиаров понимает в этом смысле, то это неверно. Казакские массы эксплуатировались феодалами-родоначальниками и при ханском господстве. Далее, не совсем удачно и деление казакских эксплуататоров на аристократию и баев. Баями являлись и феодалы-султаны и феодалы-родоначальники. История казаков не знает бедного феодала-аристократа или родоначальника.

Поэтому мы считаем более правильным деление казакских феодалов султанского (ханского) периода на феодалов-султанов (или аристократов) и феодалов-родоначальников.

Проникновение капитализма в аул

Проникновение капитализма, в частности торгового капитала, в казакские степи никем не оспаривается. Все исследователи казакского аула утверждают, что в казакской степи был сильно развит торговый капитал. Весь вопрос в том, в какой форме, в какой степени проник и развивался этот торговый капитал.

Отсюда и начинаются споры. В этом вопросе есть две друг друга исключающие неправильные точки зрения. Одна точка зрения — это точка зрения теоретиков родового строя в ауле, которые отрицают развитие капиталистических отношений в ауле вообще и утверждают, что торговый капитал не разлагал родового строя, стало быть, в казакском ауле никакого капитализма не было.

Главным теоретиком этого положения является А. Байтурсунов. Но по существу то же самое развивали в своих книжках Палачанский, Соколовский и др.

Вторая точка зрения — это точка зрения Румянцева, Палена, Рыскулова и отчасти Федорова, которые утверждают, что в казакской степи развился капитализм, что „до революции в казакском ауле было полное господство капиталистических отношений

и были окончательно ликвидированы феодальные пережитки" (Рыскулов). Я думаю, что обе точки зрения не дают действительной картины дореволюционной экономики аула.

В чем ошибка первого положения? Ошибка его заключается в том, что оно отрицает буржуазное развитие казакского аула и игнорирует экономическую связь казакских степей с царской Россией. В своей книге „Развитие капитализма в России“ Ленин доказывал, что „капитализм не может существовать и развиваться без постоянного расширения сфер господства, без колонизации новых стран и втягивания некапиталистических стран в водоворот мирового хозяйства.

И это свойство капитализма с громадной силой проявлялось и продолжает проявляться в дореформенной России“.

Именно одной из таких колониальных окраин являлся и Казакстан.

В казакском ауле развитие капитализма встретило и не могло не встретить больше препятствий, чем где бы то ни было. Но все это еще не говорит за то, что казакский аул продолжал „оставаться в стороне от истории и от мирного товарообращения“. Казакстан, будучи одной из колоний царской империи, к концу XIX и в начале XX века уже стал экономически неразрывной частью капиталистической России. К этому времени русский капитализм втягивал Казакстан в мировое товарообращение и создавал себе рынок для своих фабрик. И в Казакстане происходила „с одной стороны, сильная колонизация и с другой — широкая распахка земли колонистами“ (особенно в северных районах) и развитие торгового скотоводства, в особенности в казакских районах.

Отмечу, что, несмотря на сильнейшие господствующие пережитки феодальных и родовых отношений, сохранившихся в казакском ауле, все же дореволюционное развитие казакского аула шло, хотя очень медленно, по буржуазному пути.

В другом масштабе, может быть, в иных формах, но по существу, по своему классовому содержанию в Казакстане происходит борьба двух путей.

Казакские феодалы тоже приспособлялись в интересах сохранения своего господства, и в этом отношении интересы русского помещика и казакского бая-феодала целиком и полностью совпадали. Именно этим объясняется то, что русское самодержавие и русские помещики в своей повседневной политике, опираясь на этих феодалов-баев, поддерживали докапиталистические методы эксплуатации в казакском ауле.

Но определяя общее развитие дореволюционной экономики казакского аула как буржуазное развитие, вместе с тем нужно особо подчеркнуть, что приспособление, превращение байского хозяйства в капиталистическое происходило медленнее, чем даже помещичьего хозяйства в центральной России, ибо докапиталистические методы эксплуатации сохранялись в гораздо большей степени,

чем в русском помещичьем хозяйстве, и они здесь принимали самые разнообразные формы, начиная от родовых пережитков и кончая типичной русской „отработкой“. А слабость развития товарности хозяйства и колониальное положение казакской степи еще больше способствовали сохранению докапиталистических методов эксплуатации в казакском ауле. Консервация, сохранение докапиталистических методов эксплуатации вполне соответствовали интересам русской империи.

В чем ошибка второго положения? Основная ошибка заключается в том, что оно не учитывает или не понимает колониального положения казакского аула и переоценивает степень капиталистического развития в казакском ауле.

Защитники второго положения, утверждая, что в казакской дореволюционной экономике имело место полное господство капиталистических отношений, и что феодальные пережитки были ликвидированы, тем самым отрицают правильность известного положения Ленина о некапиталистическом пути развития окраин, в частности таких, как Казакстан, Средняя Азия и т. д.

По их мнению получается, что капитализм развивался вширь и вглубь гораздо быстрее и интенсивнее, чем даже в русской деревне. Тов. Ленин даже в отношении и русской деревни утверждал, что „русские крестьяне придавлены крепостническими латифундиями, которые держат их в забитом состоянии и увековечивают посредством отработки и кабалы самые отсталые методы и приемы хозяйства на земле“. Так Ленин говорил в отношении русской деревни, где гораздо более интенсивно, чем в казакском ауле, развивались капиталистические отношения. В дореволюционном казакском ауле казакское крестьянство еще в большей мере (чем русское крестьянство) страдало именно от неравности капитализма, от старых, феодальных методов эксплуатации, стеснявших и задерживавших развитие производительных сил.

Везде и всюду „сельское хозяйство колоний превращается в „свободное“ товарное хозяйство путем подчинения докапиталистических методов эксплуатации потребностям финансового капитала, усилением докапиталистических методов эксплуатации путем закабаления крестьянского хозяйства под игом буржуазного развивающегося торгового и ростовщического капитала“ (из решений VI конгресса Коминтерна).

Такое положение было и в казакском ауле.

Доказывая наличие сильных феодальных пережитков в дореволюционной экономике аула, мы должны, однако, различать два типа казакских районов: северные скотоводческо-земледельческие районы и кочевые южные и центральные районы. Развитие капитализма в этих двух районах Казакстана имело место не в одинаковой степени. Это положение подтверждается и историей самого завоевания казаков джаризмом.

В северных скотоводческо-земледельческих районах торговый капитал проникал и в предприятия, и в производство, а в коче-

вых районах торговый капитал в основном ограничился торговыми предприятиями, сферой обмена. Поэтому-то в кочевых районах торговый капитал меньше всего способствовал разложению старого феодального способа производства, здесь торговый капитал развивался в основном на старом способе производства, а в северных полукочевых скотоводческо-земледельческих районах он разлагал старые способы производства, и здесь развитие шло гораздо интенсивнее в смысле создания новых производственных капиталистических отношений.

Если возьмем данные о найме труда, то увидим, что в северных районах гораздо сильнее и интенсивнее был развит наем труда, а в кочевых центральных, южных районах гораздо слабее. Я приведу несколько характерных данных, относящихся к 1900 годам. В Актюбинском уезде процент хозяйств, нанимающих рабочих, доходил до 42, в Кустанайском до 28, а в Акмолинском до 26.

А что касается кочевых районов, как Кар-Каролинский и некоторые другие, — то там процент хозяйств, прибегающих к найму труда, сжимается до 13 процентов.

Конечно, тут включаются и сезонные рабочие, но во всяком случае для определения степени развития в отдельных районах — эти данные все же характерны.

Далее, если возьмем данные об отходничестве, — такую же картину наблюдаем и здесь. Вот, например, в Актюбинском уезде процент хозяйств, занимающихся промыслами, достигает до 32 процентов, в Кустанайском до 30 процентов, а в Омском до 50—60 процентов.

А если возьмем более отдаленные кочевые районы, как Атбасарский, то там только 15 процентов, в Кар-Каралах — 20 процентов хозяйств занимаются различными промыслами. Эти данные тоже характеризуют степень развития проникновения капитализма в отдельные казакские районы.

Если возьмете сравнительные данные не только по уездам, а по отдельным волостям, то в этом отношении можно наблюдать еще более разительную картину. В Кустанайском уезде всего хозяйств в Чубарской волости — 1975, из них занимаются промыслами — 700, а хозяйств, нанимающих рабочих, около 1000. Или Тереклинская волость — всего хозяйств 1723, а хозяйств с промыслами — 908, выделяющих батраков 500, а нанимающих рабочих — 594. Такая же картина по волостям Петропавловского и Омского уездов. А если возьмем теперь другие уезды — чисто кочевые, как Кар-Каролинский, то там наблюдается совершенно другая картина.

Вот Курская волость. Всего хозяйств — 1508, промыслом занимаются 245, нанимают рабочих 231. То же самое и в других волостях.

Эти же данные наглядно характеризуют степень развития капиталистических отношений в этих районах.

Подытожим сказанное.

Капитализм в казакской степи развивался не во всех районах одинаково и одновременно. В этом отношении нужно различать

два типа районов: северные скотоводческо-земледельческие и центральные и южные кочевые районы. В первой группе районов, несмотря на сохранившиеся еще пережитки феодально-родовых отношений, капитализм развивался интенсивнее, торговый капитал разрушал старые способы производства и способствовал развитию товарно-денежных отношений, и поэтому в этих районах мы имеем наибольшие показатели развития капитализма — и в области найма труда и развития отходничества, и в области изменения состава стада скота и использования более усовершенствованных орудий производства и т. д. А во второй группе районов мы наблюдаем другую картину. Здесь, наоборот, сильнее развит торговый капитал, но он развивался, почти не разлагая старых способов производства, и является фактором, задерживающим, стесняющим развитие производительных сил.

В колониальном Казакстане преобладающей группой районов являлись именно такие отсталые кочевые районы. Развитие капитализма в казакском ауле шло по прусскому пути, но оно еще более осложнялось его колониальным положением. Колониальное положение еще более затрудняло и стесняло развитие капитализма в казакском ауле.

Русский империализм больше всего был заинтересован в сохранении отсталых способов производства, в господстве феодальных пережитков и методов эксплуатации.

Этим объясняется политика русского империализма в казакской степи, выразившаяся в военно-феодальном грабеже казакских масс и поддержке докапиталистических методов эксплуатации.

Тогжанов.